Валерий Антонов
Котёл 50-х: Мамардашвили, Щедровицкий, Ильенков и машины мысли.

Валерий Антонов

Котёл 50-х: Мамардашвили, Щедровицкий, Ильенков и машины мысли.

https://litres.ru/74694358
SelfPub; 2026

Аннотация

Книга вскрывает «машину мысли» Мераба Мамардашвили — не как учение, а как совокупность операций, производящих событие мысли. Через двадцать четыре главы прослеживается трёхтактная структура (расцепление символ точка), три образа (лента Мёбиуса, улитка, жар-птица), четыре режима работы (аффект, социальность, сознание, бытие) и различения, которые нельзя стирать (предел vs. событие сознания, топос vs. ноогенная машина, решимость vs. труд). Особое место занимает полемика с Ильенковым и Щедровицким: все трое вышли из «котла 50-х» — Московского логического кружка, — но разошлись в понимании того, что производит мысль. Ильенков строил философию тождества, Щедровицкий — инженерию деятельности, Мамардашвили — топологию события. Книга строго различает документ и реконструкцию: «мёбиусная сетка», символ как «избыток», «недостаток символизма»

документированы; «жар-птица», «улитка», связка трёх режимов — реконструкция. Схема работает, пока остаётся пустой формой, а не «знаком».

Содержание

Введение. 6
Пролог. Котёл 50-х 16
ЧАСТЬ I. ЧЕРТЁЖ МЕТОДА 21
Глава 1. Исходный обзор: философия как живая мысль 21
Глава 2. Три такта: структура метода 26
Глава 3. Топология, поле, окрестности точки 31
ЧАСТЬ II. ХРОНОЛОГИЯ КУРСОВ 37
Глава 4. Античная философия (ВГИК, 1978–1980) 37
Глава 5. Пруст: «Психологическая топология пути» (1981–1982) 43
Глава 6. Декарт: «Картезианские размышления» (1981–1984) 49
Глава 7. Кант: «Кантианские вариации» 55
Глава 8. Николай Кузанский: подземный слой 60
Глава 9. «Классический и неклассический идеалы рациональности» (1986–1987) 66
ЧАСТЬ III. ОБРАЗЫ И «ПРИВОДНЫЕ РЕМНИ» 71
Глава 10. Лента Мёбиуса: топология одной поверхности 71
Глава 11. Улитка: механизм индивидуации 76

Глава 12. Жар-птица: реконструкция энергии события 81
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Валерий Антонов
Котёл 50-х: Мамардашвили, Щедровицкий, Ильенков и машины мысли.

Введение.

Что это за исследование.

Эта работа — не «изложение философии Мамардашвили» и не «историко-философское исследование» его взглядов. Её предмет иной: **метод Мамардашвили как машина/организм**, то есть совокупность операций, которые производят событие мысли. Мы вскрывали «приводные ремни» этого механизма — от трёхтактной структуры (расцепление символ точка) до образов (лента Мёбиуса, улитка, жар-птица) и режимов работы (рождение, исполнение, расшифровка).

Но прежде чем перейти к чертежу, необходимо сделать три предварительных замечания, без которых дальнейшее будет непонятно. Они касаются **статуса философов у Мамардашвили**, **статуса нашей реконструкции** и **статуса самой философии** в его понимании. Эти замечания

— не «вступление» в привычном смысле. Они задают **способ чтения**, без которого последующие главы будут казаться «ещё одной системой», тогда как их задача — вскрыть практику, а не изложить учение.

Философы у Мамардашвили не идентичны реальным.

Первое, что нужно зафиксировать: **Декарт, Кант, Пруст и Кузанский у Мамардашвили — не исторические лица**, а точки входа в единый акт мышления. Это не «ошибка» и не «небрежность». Это сознательная стратегия. Сам Мамардашвили формулировал это предельно ясно: в философии «не бывает ничего нового», и если ты действительно помыслил мысль Декарта, то в ней «содержится всё» — и Сократ, и Платон, и Витгенштейн. Реальные философы у него суть **«пустые формы»**, которые можно наполнить актуальным актом мысли.

Библиографическое описание «Лекций о Прусте» фиксирует это прямо: текст характеризуется как «любопытный образец **философствующего литературоведения** или, наоборот, философии, ищущей себя в жанре и языке литературы». Это не «разбор Пруста», а **использование Пруста** для решения собственных задач.

Критика это подтверждает. В 1992 году Валерий Подорога заявил: **«встреча» Мамардашвили и Пруста не состоялась**. Причина — Мамардашвили «полностью обошёл вниманием» тот факт, что эпопея Пруста писалась в состоянии

тяжёлой астмы, которую писатель отказывался лечить и «как бы изживал своим письмом». Мамардашвили берёт прустовское понятие «перебои сердца», но использует его для «чистой ситуации мысли», отвлекаясь от телесного и биографического контекста. Исследователь Алешин критиковал Мамардашвили за установку на выявление того, что философы «**на самом деле думали**, в отличие от написанного и сказанного ими». С точки зрения истории философии — это неприемлемо: теряются различия в «ходах мысли, способах развёртывания и оформления, терминологическом аппарате».

Но эта критика бьёт мимо цели, если оценивать Мамардашвили по критерию историко-философской точности. Он сам не претендовал на «точность». Его целью было **не понимание Канта, Декарта и т. д.**, а «воспроизведение и реактуализация события "реальной философии"». Он сам оговаривал: «я не буду рассказывать или пересказывать содержание философских учений... я постараюсь просто дать вам почувствовать, что такое философия». Декарт у него — не «исторический Декарт», а **мыслитель, чей акт можно повторить**. Исследование Кебуладзе показывает: Мамардашвили «феноменологизирует» Декарта, переинтерпретируя его в терминах трансцендентальной феноменологии Гуссерля. Это не «искажение», а **сознательный перевод** на другой язык.

Это замечание задаёт **первый принцип чтения**: не ис-

кать в последующих главах «точного изложения» Декарта, Канта или Пруста. Искать **акт мысли**, который Мамардашвили совершает через них. Если читатель будет ждать «истории философии», он не увидит «машины». Если он увидит «машину», он поймёт, почему «точность» не была целью.

Наша реконструкция — не документ.

Второе замечание касается **статуса нашей работы**. Двадцать четыре главы вскрывали структуру метода. Но эта структура — не «учение Мамардашвили», которое можно «изложить». Это **наша реконструкция**, которая работает, но не является цитатой. В главе 23 мы провели строгое различение между документом и реконструкцией. Здесь достаточно зафиксировать: **«жар-птица» и «улитка» не документированы** в источниках о Мамардашвили; **связка трёх режимов** (рождение — исполнение — расшифровка) и **трёхтактная структура** (расцепление символ точка) — наша работа. Документированы: «мёбиусная сетка», символ как «избыток», «недостаток символизма», событие сознания, социальная алхимия, предельное состояние, «жизнь есть усилие во времени».

Это различение — не «академическая осторожность». Это **этический акт**, без которого работа рискует стать «социальной алхимией» — изживанием себя в терминах, которые мы сами создали. Мамардашвили работал против десимволизации: против превращения символа (пустой формы) в знак (готовое содержание). Наша реконструкция долж-

на оставаться пустой формой, то есть **не выдаваться за содержание**.

Это замечание задаёт **второй принцип чтения**: не принимать наш «чертёж» за «учение Мамардашвили». Чертёж работает, пока читатель помнит, что это чертёж. Как только он становится «знаком» — «готовым ответом» — он перестаёт работать. В главе 23 это различение будет проведено с максимальной строгостью; здесь достаточно зафиксировать его как **условие чтения**.

Близость с другими философами: резонанс, а не «влияние».

Третье замечание касается **места Мамардашвили среди других мыслителей**. Мы не искали «последователей» или «влияния». Мы искали **резонанс** — совпадение в точке, где мысль становится событием.

С **Хайдеггером** параллель наиболее документирована. Сравнительное исследование (Самарский университет) формулирует общее ядро: и Хайдеггер, и Мамардашвили утверждают, что **мышление всегда соотносится с бытием**, а мысль — это не «интеллектуальная деятельность в голове», а **присутствие человека в мысли**. Различие — в акцентах: Хайдеггер интересуется **началом** (как человек оказывается «затронут» бытием), Мамардашвили — **результатом** (как в акте мысли схватывается «законченный план бытия»). Исследование в журнале «Sententiae» показывает: интерпретируя Декарта, Мамардашвили **опирается на хайдегге-**

ровский перевод cogito. Хайдеггер предлагал переводить «cogito» не как «мыслю», а как **«представляю»** (vorstellen). Мамардашвили следует этому ходу, утверждая, что в cogito нет «импликации», а есть **событие присутствия**. Но есть и **фундаментальное расхождение**: соглашаясь с Хайдеггером в том, что истина есть открытость, Мамардашвили ищет опору **не в «почве» и «корнях»**, а в **нравственности** и «сердце». Это различие между **онтологией места** и **этикой усилия**.

С **Ясперсом** функционально совпадает понятие «пограничной ситуации» (Grenzsituation) и мамардашвилевское «предельное состояние». Различие: Ясперс требует трагического потрясения, Мамардашвили настаивает на возможности трансформации через **волю и усилие** в любой ситуации. С **Витгенштейном** параллель зафиксирована в академическом сборнике 2022 года: исследователи сопоставляют «граничный опыт» и трансценденталии. С **Фуко** точка сближения — динамическое понимание становления субъекта: и у Фуко («субъективация»), и у Мамардашвили («собирание» субъекта) мы находим процесс, а не готовую «субстанцию». С **Бодрийяром** — неожиданная, но документированная параллель: восприятие современности как катастрофы, дискретное понимание истории, общий набор метафор («чёрная дыра», «масса», «зомби»). Различие — в стратегии: у Бодрийяра мысль-событие радикальна, у Мамардашвили событие-мысль укоренено в универсалиях культуры.

Среди **отечественных** философов наиболее прямая связь — **Валерий Подорога** (1946–2020). Его «аналитическая антропология» выросла из встречи с Мамардашвили: Подорога говорил, что именно Мамардашвили «показал, что есть другие средства быть философом, чем те, что существовали в советское время». Исследователи выделяют две «полярные» линии в мысли Подороги: Эйзенштейн (эксперимент) и Мамардашвили (ценность **индивидуального усилия** и рефлексии как философской процедуры).

Все эти параллели подтверждают: метод Мамардашвили не является «системой», которую можно «продолжить» или «опровергнуть». Он есть **практика усилия**, которая резонансирует с другими практиками и **передаётся** через прямой контакт. Близость здесь — не «сходство взглядов», а совпадение в точке, где мысль становится событием.

Это замечание задаёт **третий принцип чтения**: не искать в последующих главах «влияния» или «школы». Искать **резонанс** — точку, где мысль Мамардашвили совпадает с мыслью другого, не будучи её «продолжением». Это уточняет понимание «жар-птицы»: она вспыхивает не в «учении» и не в «тексте», а в точке, где читатель совершает **своё** усилие.

Структура работы.

Работа делится на шесть частей. Каждая часть отвечает на определённый вопрос, и каждый шаг аргументирован: мы не «пересказываем» Мамардашвили, а **вскрываем операции**, которые производят событие мысли.

Часть I (главы 1–3) строит **чертёж метода**. Глава 1 начинает с исходного обзора: Лосев и Мамардашвили, сходство и различие, логос как живая мысль. Это точка входа в проблему. Глава 2 вскрывает трёхтактную структуру: расцепление, символ, точка. Это не «три понятия», а три одновременные операции, которые производят событие. Глава 3 вскрывает топологию, поле и окрестности точки — те понятия, через которые Мамардашвили описывает, **где** и **как** случается акт мысли.

Часть II (главы 4–9) разворачивает **хронологию курсов**. Глава 4 — античность, где впервые документирована «мёбиусная сетка» как производящая структура. Глава 5 — Пруст, где точка присутствия становится «расшифровкой» знака. Глава 6 — Декарт, где точка становится «исполнением» в акте cogito. Глава 7 — Кант, где точка становится «критикой» «прилепленности» к миру. Глава 8 — Кузанский, подземный слой, который даёт онтологическую предпосылку топологии точки. Глава 9 — неклассическая рациональность, где метод становится эксплицитным.

Часть III (главы 10–12) вскрывает **три образа**, которые делают чертёж наглядным. Глава 10 — лента Мёбиуса, топология одной поверхности. Глава 11 — улитка, механизм индивидуации (реконструкция). Глава 12 — жар-птица, энергия события (реконструкция). Каждый образ отвечает на вопрос, который предыдущий оставил открытым: лента даёт поверхность, улитка даёт механизм возникновения формы,

жар-птица даёт энергию, которая заставляет механизм работать.

Часть IV (главы 13–16) описывает **режимы работы** механизма. Глава 13 — аффективный модус, где «животные духи» становятся механизмом, а великодушие — «взрывающейся миной». Глава 14 — социальный модус, где «социальная алхимия» становится коллективной формой иллюзии, а «со-бытие» — пустой формой совместности. Глава 15 — онтологический модус, где сознание становится «сферой», а символ — «вещью на границе». Глава 16 — «физическая метафизика», где совесть становится «причиной самой себя», а индивидуация — остановкой преобразования.

Часть V (главы 17–22) проводит **различения, которые нельзя стирать**. Глава 17 — предел vs. событие сознания: это разные уровни, а не два режима одного механизма. Глава 18 — три режима (рождение, исполнение, расшифровка): они параллельны, а не иерархичны. Глава 19 — топос vs. ноогенная машина: структура входа vs. структура использования. Глава 20 — решимость vs. труд: энергия пребывания vs. энергия удержания. Глава 21 — иллюзия и пустая ячейка: заполнение пустоты знаком при отсутствии усилия. Глава 22 — усилие как ответ на зов места, а не «выбор».

Часть VI (главы 23–24) замыкает работу. Глава 23 проводит строгое различение между документом и реконструкцией. Глава 24 собирает всё в итоговую схему: три такта × три режима × три образа. Приложения содержат сводные описа-

ния документированных опор, реконструкций, хронологии курсов и глоссарий.

Принцип раскопок

Мы начали с общего обзора, затем развернули хронологию, затем построили чертёж, затем привлекли образы, затем обнаружили скрытые пласты и проблемы. Этот путь — не «линейное изложение», а **раскопки**: каждый слой открывал то, что было скрыто под предыдущим.

Принцип, который мы старались соблюдать: **не выдавать реконструкцию за документ**. Там, где мы реконструировали (жар-птица, улитка, связка трёх режимов), мы это фиксировали. Там, где документ подтверждал (мёбиусная сетка, символ как избыток, недостаток символизма), мы это указывали.

Это не «скромность». Это условие того, чтобы работа оставалась **живой мыслью**, а не «социальной алхимией» мысли. Мамардашвили говорил: «Жизнь как таковая относится к числу невозможных вещей. Но когда я это говорю, я вовсе не утверждаю, что её нет. Она есть, но это удивительно, потому что она невозможна». Наша работа — тоже невозможная вещь. Но она работала, пока мы её строили.

Переход к части I. Теперь, когда принципы чтения заданы, можно перейти к главе 1: Лосев и Мамардашвили, сходство и различие, логос как живая мысль. Это точка входа в проблему, которую последующие главы будут разворачивать.

Пролог. Котёл 50-х

1

В начале был не метод. В начале был спор.

Пятьдесят второй год. Философский факультет МГУ. Четверо — Зиновьев, Щедровицкий, Мамардашвили, Грушин — собираются в комнате, где пахнет старыми книгами и табаком. Они называют себя «диалектическими станковистами». Название — из «Золотого телёнка», где так называют художников, изображающих вождей из гаек и сена. Это ирония, но и точное указание: они собираются строить философию из подручного материала, из «гаек» и «сена» логики.

Они не пишут систему. Они **оттачивают оппозиции**. Щедровицкий вспоминал: «Мы часто фланировали по улице Горького… именно здесь, в этом постоянном движении, оттачивались оппозиции, мысли». Мамардашвили говорил иначе: «Наша общность возникла по гусарским каналам. Какая-то струйка свободы продолжалась… мы все ходили по краю бездны».

Это не «кружок» в академическом смысле. Это **котёл**, в котором мысль кипит и не находит готовой формы. Пять лет — с 1952 по 1957 — они строят «новую логику», которая должна быть одновременно теорией мышления и методологией науки. Всё это — на материале «Капитала» Маркса, в

котором они видят образец диалектического метода.

2

Но главное — не то, что они строят. Главное — **от чего они отталкиваются**.

В том же году, в той же Москве, Эвальд Ильенков пишет работу о «тождестве мышления и бытия». Для него это не «теория». Это **пароль на право входа в научную философию**. Если мышление не тождественно бытию, ты — не философ.

Кружок отвергает Ильенкова. Не потому, что он «неправ» в деталях. Потому, что он **онтологизирует** приёмы мышления — трактует их как свойства самой действительности. Для «станковистов» мысль — это не «свойство бытия». Это **операция**, которую можно разобрать, увидеть, построить.

Зиновьев формулирует: «Мысль есть обязательно связь абстракций. Тип этой связи и есть то, что мы будем называть типом, видом, формой или приёмом мысли». Это — не «отражение». Это **техника**.

Мамардашвили запомнит это навсегда. Но пойдёт дальше.

3

Пятьдесят седьмой год. Котёл распадается.

Причины — и научные, и личные. Щедровицкий уходит в «инженерию мыследеятельности» — он хочет **организовывать** коллективное мышление, строить схемы, которые позволят людям решать задачи. Зиновьев уходит в логику, а потом — в литературу. Грушин — в социологию.

Мамардашвили уходит **в одиночество**.

Это не биографическая случайность. Это **философский акт**. Он уходит от «содержательной дружбы» — от совместного мышления, которое случается «здесь и теперь», — чтобы найти то, что кружок не мог дать: **личный акт мысли**, который не гарантирован ни коллективом, ни методологией.

В пятьдесят восьмом он защищает диссертацию. Ильенков — официальный оппонент. Он называет представление Мамардашвили о принципе тождества мышления и бытия «нелепо-карикатурным». Мамардашвили не спорит. Он **отделяет** сознание от бытия. Не «отражает» бытие, не «тождественно» ему — а **случается,** как особая реальность, не сводимая ни к природному, ни к общественному.

Это и есть **разрыв**. Не с Ильенковым лично. С самой идеей, что мысль можно «вывести» из бытия или «организовать» коллективно.

4

Что остаётся от котла?

Привычка к расцеплению. «Оттачивать оппозиции» в постоянном движении — это позже станет «отсеканием чужой мысли» в «Картезианских размышлениях». Сомнение у Мамардашвили — не «метод» и не «приём». Это **эхо** кружковских споров, перенесённое внутрь одного человека.

Понятие «приёма мысли». От Зиновьева останется представление о том, что мысль технична, что её можно «разобрать» на операции. Но у Мамардашвили это станет

символом — не «операцией», а «пустой формой», которая производит человека. Различие принципиальное: «приём» работает с содержанием, «символ» — с бытием.

Опыт «содержательной дружбы». Мамардашвили видел, как мысль рождается в совместном усилии — и как она распадается, когда усилие прекращается. Это останется с ним навсегда: в лекциях, где он говорит со слушателями как с «друзьями по мысли», и в формуле «жизнь есть усилие во времени» — потому что он знал, что без усилия жизнь распадается.

5

Котёл 50-х — это не «исторический контекст». Это **исходная точка** метода, который мы будем вскрывать на протяжении двадцати четырёх глав.

Мамардашвили ушёл из кружка, чтобы найти то, что кружок не мог дать: **точку присутствия**, в которой мысль случается, как личный акт. Но он никогда не забывал того, что видел в котле: мысль — это не «система» и не «отражение». Это **событие**, которое может случиться или не случиться. И если оно не случается, место заполняется иллюзией — «социальной алхимией», против которой он будет бороться всю жизнь.

Вот почему этот пролог стоит в начале. Не потому, что он «объясняет биографию». Потому, что он объясняет **ставку**: за что Мамардашвили боролся и против чего. Без этой ставки чертёж, который мы построим дальше, будет казать-

ся «ещё одной системой». А он — не система. Он — **след** котла, который погас, но не остыл.

Переход к части I. Теперь, когда ставка сделана, можно перейти к главе 1: Лосев и Мамардашвили, сходство и различие, логос как живая мысль. Это точка входа в проблему, которую последующие главы будут разворачивать.

ЧАСТЬ I. ЧЕРТЁЖ МЕТОДА

Глава 1. Исходный обзор: философия как живая мысль

Тезис главы

Алексей Лосев и Мераб Мамардашвили принадлежат к разным эпохам, разным традициям и разным способам философствования. Лосев строит систему на религиозно-метафизических основаниях, Мамардашвили работает в пространстве неклассической философии сознания. Но между ними есть точка, в которой они сходятся с точностью, достаточной для того, чтобы сделать её исходной для всего дальнейшего анализа: **оба понимают логос как живую мысль, а не как средство выражения, отдельное от мысли**. Эта точка — не «влияние» и не «сходство взглядов», а общая для обоих интуиция о том, что философия начинается там, где слово перестаёт быть знаком и становится актом.

1.1. Лосев: символ как онтологическая структура

Лосев подходит к символу изнутри традиции, которую можно назвать **онтолого-феноменологической**. Его отправная точка — не сознание и не язык как система знаков,

а бытие и его самовыявление. Символ у Лосева не отсылает к реальности и не обозначает её: он **есть** способ, которым сущность является в ином, оставаясь при этом невыразимой в своей глубине. Миф, имя, символ, личность, энергия сущности — эти категории разворачиваются у него по принципу эманации из единой точки, и каждая из них укоренена в бытии так же, как и то, что она выражает.

Ключевое следствие для нашей темы: **символ у Лосева онтологичен**. Он не «пустая форма», не инструмент сознания, а структура бытия, которая схватывается мыслью только в акте приобщения. Логос Гераклита, как показывает сопоставительное исследование, Лосев трактует как «символ, философему, выражающую непреодолимый закон космической жизни, являющийся вместе с тем божественной мыслью». Это символ в полном смысле: он не указывает на закон, а **является** им в слове.

1.2. Мамардашвили: символ как «пустая форма» сознания

Мамардашвили подходит к символу с противоположной стороны — со стороны сознания, а не бытия. Исследование, специально посвящённое этой теме, формулирует различие предельно ясно: если у Флоренского и Лосева символ понимается в контексте русской метафизики Серебряного века, то у Мамардашвили символ — это «пустая форма», трансценденталия, благодаря которой оказывается возможным трансцендирование, порождение человека как ду-

ховно-нравственного существа. Символ у Мамардашвили не отсылает к метафизической реальности; он есть **структура, или матрица, производящая смыслы**, через которую становится возможной сознательная, духовная и моральная жизнь.

Это не «символизм» в традиционном смысле. Мамардашвили осуществляет **абстрактный, или формальный, анализ символа**: его интересует не конкретное содержание, а форма, внутри которой конституируется и структурируется «содержание сознания» . Символ работает как инструмент, а не как откровение.

1.3. Точка схождения: логос как живая мысль

Несмотря на это различие, сравнительное исследование фиксирует точку, в которой Лосев и Мамардашвили сходятся. Речь идёт об интерпретации логоса Гераклита. Лосев рассматривает логос как символ, выражающий космический закон и божественную мысль. Мамардашвили трактует логос как **«производящее слово»**, символ философского мышления, актуализируя мысль Гераклита в связи с идеей **возобновления опыта трансценденции в культуре** . Но оба сходятся на том, что логос — это **не просто слово, не средство выражения, существующее отдельно от мысли** . Это **живая мысль, возникшая в ситуации приобщения человека к языку**.

Эта формула — «живая мысль» — является точкой входа для всего нашего дальнейшего анализа. Она означает, что

философия у обоих мыслителей не является ни системой понятий (как у Гегеля), ни анализом языка (как у аналитиков), ни описанием опыта (как у феноменологов в узком смысле). Она есть **акт**, который совершается в слове и через слово, но не сводится к слову как к знаку.

1.4. Различие, которое нельзя стирать

Сходство в понимании логоса не должно заслонять радикального различия. Лосев ищет **объективный Логос** в структуре бытия: его символ онтологичен, его миф есть «в словах данная чудесная личностная история», его имя есть энергийная связь между сущностью и инобытием. Мамардашвили ищет **экзистенциальный смысл** в акте сознания: его символ — «пустая форма», его событие — «вспышка» понимания, его точка — место, где человек «втискивается между глыбами мира».

Это различие можно сформулировать так: **Лосев строит онтологию символа, Мамардашвили — топологию сознания**. Лосев отвечает на вопрос «как бытие являет себя в слове?». Мамардашвили отвечает на вопрос «как слово становится местом, где случается мысль?». Оба вопроса предполагают, что слово не отделено от мысли. Но у Лосева это единство гарантировано бытием, у Мамардашвили — только актом, который может не состояться.

1.5. Что это даёт для дальнейшего анализа

Для последующих глав важны три следствия.

Первое. Символ у Мамардашвили — не «знак» и не «ме-

тафизическая сущность», а **структура порождения**. Это позволяет нам в дальнейшем говорить о «пустой форме», «матрице», «ноогенной машине» как о технических понятиях, а не метафорах.

Второе. Понимание логоса как «живой мысли» означает, что метод Мамардашвили не является ни «учением», ни «системой». Он есть **практика**, которая может быть повторена или не повторена. Это объясняет, почему его лекции — не изложение чужих доктрин, а акты мышления в присутствии другого.

Третье. Различие между онтологией символа (Лосев) и топологией сознания (Мамардашвили) задаёт **границу**, которую мы не должны стирать в дальнейшем. Когда мы будем говорить о «мёбиусной сетке», «предельном состоянии» или «жар-птице», речь идёт не о метафизических сущностях, а о структурах и событиях сознания. Лосев остаётся в этой книге фоновой фигурой — не потому, что он менее важен, а потому, что его способ мысли принадлежит другой топологии.

Переход к главе 2. Если глава 1 установила, что философия у Мамардашвили есть живая мысль, а не система, то следующий вопрос: **каков механизм этой мысли?** Глава 2 вскрывает трёхтактную структуру метода — расцепление, символ, точку — как «чертёж», который в дальнейшем будет проверяться на материале конкретных курсов.

Глава 2. Три такта: структура метода

Тезис главы

Если глава 1 установила, что философия у Мамардашвили есть живая мысль, а не система, то следующий вопрос — **каков механизм этой мысли**. Настоящая глава вскрывает трёхтактную структуру метода: расцепление, символ, точка. Это не «три понятия» и не «три этапа» в хронологическом смысле. Это **три одновременные операции**, которые в совокупности производят событие мысли. Чертёж, который будет построен в этой главе, в дальнейшем проверяется на материале конкретных курсов — от античности до Пруста и Декарта.

2.1. Расцепление: разрыв с «прилепленностью»

Первая операция — негативная по преимуществу. Мамардашвили не строит систему, а **расцепляет** то, что уже срослось. В «Кантианских вариациях» эта операция формулируется с предельной ясностью: сила Канта нужна, чтобы «расцепить то, как мы прилепились к миру, считая, что наши человеческие представления и есть мир сам по себе» (цит. по нашей реконструкции из главы 1). Это не скепсис и не сомнение в смысле Декарта. Это **технический разрыв** с естественной установкой, в которой сознание сращено с предме-

том и не замечает самого факта сращённости.

Исследование историко-философской концепции Мамардашвили подтверждает: его интересует не «метафизика символов или понятий сама по себе», не «содержание данных представлений о мире», а то, «что и как они производят в человеке». Расцепление направлено именно на это: приостановить автоматическое производство содержания, чтобы стало видно, **как** оно производится.

2.2. Символ: «пустая форма» как структура порождения

Вторая операция — позитивная. Расцепление было бы бесплодным, если бы не давало инструмента для сборки нового опыта. Этим инструментом является **символ**, но не в значении «знак, отсылающий к реальности». Исследование РУДН формулирует точно: символ у Мамардашвили — это «пустая форма», трансценденталия, благодаря которой оказывается возможным «трансцендирование, порождение человека как духовно-нравственного существа». Символ не описывает мир; он **производит** определённый тип человека.

Ключевое различие, которое устанавливает Мамардашвили: знак «всегда равен себе» и отражает «доличностное и внеличностное существо человека»; символ же — это «избыток», он «не до конца понимаем», но «есть мы сами как понимающие, как существующие». Символ работает как матрица, производящая смыслы, а не как средство их пере-

дачи.

2.3. Точка: место сборки

Третья операция — локализация. Символ не работает «вообще»; он срабатывает только в **точке присутствия**. Исследование топологического понимания сознания у Мамардашвили описывает это через понятие **«точки-интервала»**: точка сознания не является геометрической точкой на линии, она «растянута» в интервал, обладает «нутром», и в ней «нет ни прошлого, ни будущего». Это не хронологический момент, а **топологическая сингулярность** , в которой мир «творится заново».

Точка — это место, где человек «втискивается между глыбами мира» (формула из «Картезианских размышлений»). Но исследование уточняет: акт сознания в этой точке понимается «не как самосознание, а как событие присутствия». Точка не «отражает» мир и не «познаёт» его; она **есть** событие, в котором присутствие случается или не случается.

2.4. Три такта как одновременность

Чертёж, который выстраивается из этих трёх операций, может показаться последовательностью: сначала расцепить, потом применить символ, потом локализовать в точке. Но это не хронология. Исследование подчёркивает: топологические фигуры Мамардашвили — «не представления в обычном смысле слова, а особые конструкты, которые **индуцируют мышление**». Они работают одновременно: расцепление открывает зазор, символ заполняет его формой, точка

стягивает всё в акт.

Исследователь формулирует это через перформативность: задача этих фигур — «не обеспечить прямую передачу смысла, а произвести в слушателе (читателе) силовое и телесное его порождение». Три такта — это не описание метода, а **сам метод в действии**. Они не «объясняют» мысль; они заставляют её случиться.

2.5. Что это даёт для дальнейшего анализа

Для последующих глав важны три следствия.

Первое. Трёхтактная структура не является «теорией Мамардашвили». Это **чертёж**, который мы построили на основе его текстов и исследовательской литературы. В главе 23 будет проведено строгое различение между документом и реконструкцией. Здесь достаточно зафиксировать: чертёж работает, но он не является цитатой.

Второе. Расцепление, символ и точка — не «понятия» в традиционном смысле. Они не имеют готового содержания; они суть **операции**, которые могут быть повторены или не повторены. Это объясняет, почему лекции Мамардашвили не «излагают» чужую философию, а **исполняют** её.

Третье. Точка является местом, где все три такта совпадают. Без расцепления точка остаётся «прилепленной» к наличному. Без символа она остаётся «знаком», равным себе. Без точки символ остаётся «пустой формой» без события. Только вместе они производят то, что в главе 1 было названо «живой мыслью».

Переход к главе 3. Если глава 2 установила трёхтактную структуру, то следующий вопрос: **каковы пространственные характеристики этой структуры?** Глава 3 вскрывает топологию, поле и окрестности точки — те понятия, через которые Мамардашвили описывает, **где** и **как** случается акт мысли.

Глава 3. Топология, поле, окрестности точки

Тезис главы

Если глава 2 установила трёхтактную структуру метода (расцепление символ точка), то настоящая глава отвечает на вопрос: **каковы пространственные характеристики этой структуры**. Мамардашвили описывает сознание не через понятия «субъект» и «объект», а через топологические фигуры: линию, сферу, складку, точку-интервал. Эти фигуры — не метафоры и не «представления в обычном смысле слова». Исследование подчёркивает: они суть «особые конструкты, которые **индуцируют мышление**», и их задача — «не обеспечить прямую передачу смысла, а произвести в слушателе (читателе) силовое и телесное его порождение». Топология у Мамардашвили — это не раздел математики, а **способ описания того, где и как случается акт мысли**.

3.1. Топология: Геометрия события, а не пространства

Мамардашвили использует топологические образы (линия, сфера, складка) не для того, чтобы «изобразить» сознание, а для того, чтобы **поместить мысль в пространство, где она может случиться**. Исследование формулирует это точно: топология сознания у Мамардашвили «в пол-

ном смысле метафизична, поскольку эти фигуры сознания ничего не изображают, и [не] имеют предметного значения. Они выражают **акты и действия сознания**, которые лежат по ту сторону представлений. Поэтому это не то, что понимают, но то, **с помощью чего осуществляется понимание**».

Это означает, что топология у Мамардашвили выполняет ту же функцию, что и символ в трёхтактной структуре: она есть **пустая форма**, которая порождает, а не описывает. Сфера сознания, о которой пойдёт речь, — не «модель» сознания, а **конструкт**, который позволяет мыслить событие сознания.

3.2. Сфера: «Центр везде, периферия нигде»

Ключевая топологическая фигура — **сфера**. Мамардашвили описывает её через кузанский образ: «жить! Жить, смещаясь, как центр, который везде, а периферия которого нигде, и всё это отсутствует во внешнем пространстве наблюдения, ибо продолжено в нас, в нас проросло и переплелось подземными путями, "туннельно"».

Сфера у Мамардашвили — это не «вместилище» содержаний. Исследование «Символа и сознания» уточняет: «сфера сознания» вводится как «псевдотопологическое понятие», которое заменяет «картезианского человека», но не отменяет «возможности размышлять о событийности сознания, о его состояниях и структуре». Сфера «пуста» в том смысле, что она не получает никаких определений; она есть **чистая**

возможность события, которое актуализируется только в точке.

3.3. Поле: Связность как «соседство», а не причинность

Второе понятие — **поле**. У Мамардашвили оно описывает не «пространство распространения» чего-либо, а **связность состояний сознания**. Исследование формулирует: «Состояния эмпирического сознания связаны не причинной связью; это только их "соседство"» . Поле — это среда, в которой мысли «перекликаются», не будучи выводимыми друг из друга.

Это уточняет то, что в главе 2 называлось «полем глобальных связностей». Поле не производит мысль; оно есть **топологическая среда**, в которой мысль, случившаяся в точке, вступает в отношения «соседства» с другими состояниями. Как в «Подготовительных материалах» к лекциям о Прусте: Мамардашвили иллюстрирует путь героя «двумя конусообразными воронками, выталкивающей и втягивающей, которые возникают в точках "вспучивания"», и называет их «воронками напряжения — сопряжения сил» . Поле — это и есть пространство таких «сопряжений».

3.4. Окрестности точки: «Точка-интервал» и её «нутро»

Третье и наиболее важное понятие — **точка и её окрестности**. Мамардашвили различает точку на поверхности (линейную, геометрическую) и точку **изнутри**. Исследование

описывает это так: «Философ рассматривает точки чувственно и качественно, как "сенсибилизированные" точки или точки "состояния". В таком случае они оказываются **точками-интервалами**... нетрудно понять это растягивание точки в интервал (наличие у точки "нутра")» .

Это означает: точка присутствия не является «мгновением» в хронологическом смысле. Она **растянута** в интервал, обладает «нутром», в котором «нет ни прошлого, ни будущего» . Окрестности точки — это не «то, что вокруг неё в пространстве», а **то, что стягивается в неё** как в топологическую сингулярность. В точке «мир творится заново»: «в каком-то смысле наша точка обладает таким свойством, что в ней мы представляем себе мир, как творимый заново в каждой точке, что нет никакого готового, заданного мира... В том виде, в каком мир длится, он длится только потому, что заново воссоздается» .

3.5. Топология как «мёбиусная сетка»

Связка между сферой, полем и точкой осуществляется через образ **«мёбиусной сетки»**. Исследование реконструирует рисунок Мамардашвили из «Стрелы познания»: сфера, касающаяся плоскости психологического поля в точке-интервале, с полюсами Z и Я. «Геометрически точка Z обладает важным свойством: в неё можно спроецировать всё множество точек плоскости — психологического поля, — так что все соединяющие их лучи пройдут через поверхность сферы, а значит, все точки плоскости получат свои представи-

тельства на сфере (фактически, речь о сфере Неймана и нанесённой на неё **сетке Мёбиуса**)» .

Эта конструкция и есть «понимательный топос», или «ноогенная машина». Она «позволяет оперировать с отрезками бесконечной длины, представляя их дугами конечной длины, лежащими на сфере», создавая «непосредственную данность бесконечного в конечном» . Топология, поле и окрестности точки — это не три отдельных понятия, а **три аспекта одной конструкции**: сетка Мёбиуса на сфере сознания, работающая в точке-интервале.

3.6. Что это даёт для дальнейшего анализа

Для последующих глав важны три следствия.

Первое. Топология у Мамардашвили — не «учение о пространстве сознания», а **набор конструктов**, которые индуцируют мышление. Когда в дальнейшем мы будем говорить о «мёбиусной сетке», «сфере» или «точке-интервале», речь идёт не о метафизических сущностях, а о **формах, с помощью которых осуществляется понимание** .

Второе. Поле как «соседство» (а не причинность) уточняет статус символа в трёхтактной структуре: символ срабатывает не потому, что он «причинно воздействует» на сознание, а потому что он **вступает в отношения соседства** с другими состояниями в поле.

Третье. Точка-интервал с «нутром» — это не «место сборки» в общем смысле, а **топологическая сингулярность**, в которой мир «заново воссоздаётся». Это уточняет

понимание «жар-птицы»: она вспыхивает не «в точке» как в геометрическом месте, а в **интервале**, который стягивает окрестности в акт.

Переход к главе 4. Если глава 3 установила топологические характеристики метода, то следующий вопрос: **как этот метод работает на конкретном материале**. Глава 4 начинает хронологический раздел с античной философии, где впервые документирована «мёбиусная сетка» как производящая структура, и где становится видно, как топос формирует тип человека.

ЧАСТЬ II.
ХРОНОЛОГИЯ КУРСОВ

Глава 4. Античная философия (ВГИК, 1978–1980)

Тезис главы

Античный курс — это не «история философии» в академическом смысле. Это первый документированный случай, в котором трёхтактная структура метода (расцепление символ точка) работает на материале, где **топос** впервые становится производящей структурой. Здесь Мамардашвили вводит образ «мёбиусной сетки» — не как метафору, а как техническое описание того, как человек становится тем, кем является, **входя** в структуру, которая уже существует как возможность.

4.1. Датировка и контекст

Лекции были прочитаны студентам Всесоюзного государственного института кинематографии в 1978–1980 годах. Это не философский факультет и не профессиональная аудитория. Мамардашвили ставит задачу: рассказать об истории философии как «истории размышлений о предельных основаниях отношений человека и мира». В центре — про-

блема бытия, возникающая в пространстве древнегреческой мысли.

Публикация курса состоялась в 1997 году, затем последовали переиздания (2009, 2012, 2018, 2023) . Для нашей задачи важно не столько содержание «истории», сколько **структура**, которую Мамардашвили использует, чтобы эта история стала актом мысли, а не пересказом доктрин.

4.2. Расцепление: бытие как «нечто становящееся»

В аннотациях к курсу повторяется формула: Мамардашвили «раскрывает бытие как нечто становящееся» . Это и есть расцепление в античном модусе. Греки интересуют его не потому, что «так думали», а потому что они впервые **расцепили** привычное отождествление бытия с наличным. Бытие перестаёт быть «тем, что есть», и становится тем, что **случается** в мысли.

Исследовательский анализ уточняет: Мамардашвили «элиминирует одно из самых важных понятий герменевтики — понятие истока». В третьей лекции он говорит о бытии: «Само оно не имеет происхождения» . Это радикальное расцепление: бытие не выводится из чего-то предшествующего, оно есть **акт**, который не имеет основания вне себя.

4.3. Символ: «Сетка Мёбиуса» как производящая структура

Ключевой документ этой главы — фрагмент, в котором Мамардашвили рисует на доске и объясняет **«сетку Мёбиуса»**. Комментарий А. Парамонова к лекциям описывает её

математически: плоскость, сфера над ней, точка Z, проекция — «топологический телескоп», «упаковывающий бесконечное в конечное» . Но Мамардашвили использует этот образ не как математик, а как философ.

Его формула: «Греции не существовало как географического места... Но у них были **мёбиусные узелки** или точки, в которых они собирались в качестве греков, например — "Илиада"». И далее: «Греки становились греками, **входя в топос** "Илиады", в мёбиусную сетку, в ткань произведений» .

Это и есть символ в строгом смысле: не «знак» (равный себе), а **пустая форма**, которая производит тип человека. «Илиада» не «описывает» грека; она есть топос, вход в который **делает** человека греком. Платон, по Мамардашвили, дал название этим топологическим явлениям — **идеи**: «Идея не есть абстракция в нашем смысле слова... Идеями у Платона называется не то, что мы называем общим» . Идея — это структура, которая организует хаос психической жизни через «сеточные точки» .

4.4. Точка: «Ухватывание узелка» как трансценденция

Третий такт — локализация — в античном курсе принимает форму **«ухватывания узелка»**. В фрагменте о трансценденции Мамардашвили говорит: «Мы что-то собираем посредством чего-то, **ухватились за узелок Мёбиуса** и, выскочив тем самым из натурального ряда, совершили опе-

рацию — трансцендировали» .

Это уточняет понимание точки. Она не является «местом» в готовом пространстве. Она есть **акт входа** в сетку, который вырывает человека из «натурального ряда» причин и следствий. «Выскочить из себя невозможно», — говорит Мамардашвили, — но в «узелке» происходит именно это: человек оказывается «на грани себя и мира». Точка — это не «где», а **событие трансцендирования**, которое не гарантировано и требует усилия.

Исследование подчёркивает: топологические фигуры Мамардашвили «ничего не изображают» и «не имеют предметного значения». Они выражают «акты и действия сознания», которые «лежат по ту сторону представлений». Поэтому это «не то, что понимают, но то, **с помощью чего осуществляется понимание**» . Сетка Мёбиуса — не «модель» античности; она есть **орган** понимания античности.

4.5. Что документировано, а что реконструировано

Документировано:

· Датировка (1978–1980) и аудитория (ВГИК).

· Формула «сетка Мёбиуса» и «мёбиусные узелки».

· «Греки становились греками, входя в топос "Илиады"».

· Платоновские идеи как топологические структуры, а не абстракции.

· «Ухватывание узелка» как трансцендирование.

Реконструировано (наша работа):

· Соотнесение «сетки Мёбиуса» с трёхтактной структурой

(расцепление символ точка).

· Понимание «входа в топос» как символ-операции, а не как метафоры.

· Связка античного модуса с последующими (Пруст, Декарт, Кант).

4.6. Что это даёт для дальнейшего анализа

Первое. Античный курс даёт **документированную опору** для понятия «топос» как производящей структуры. В дальнейшем, когда мы будем говорить о «ноогенной машине» Пруста или «сфере сознания», мы сможем различать: топос (античность) — это структура **входа**, которая формирует тип человека; ноогенная машина (Пруст) — это структура **использования**, которая производит эффекты.

Второе. «Мёбиусная сетка» подтверждает, что лента Мёбиуса у Мамардашвили — не метафора сознания, а **чертёж механизма**. В «Кантианских вариациях» она будет работать иначе (как совпадение чистого и эмпирического сознания), но структурный принцип тот же: одна поверхность, без выхода «наружу».

Третье. Античность задаёт **исходный вопрос**, на который все последующие курсы отвечают по-разному: как конечное существо может стать местом, через которое случается бесконечное? Греки отвечают: через вход в топос. Пруст ответит: через расшифровку впечатления. Декарт: через мгновение воли. Кант: через трансцендентальную структуру. Но вопрос один.

Переход к главе 5. Если античность показала топос как структуру входа, то следующий вопрос: **что происходит, когда топос отсутствует или не срабатывает** ? Глава 5 о Прусте вскрывает механизм, в котором структура не «ждёт» входа, а **производит эффекты** через использование — и где точка присутствия становится не «входом», а «расшифровкой» знака.

Глава 5. Пруст: «Психологическая топология пути» (1981–1982)

Тезис главы

Если античный курс показал топос как структуру **входа** (греки становились греками, входя в «Илиаду»), то Пруст вскрывает принципиально иной механизм: структура здесь не «ждёт» входа, а **производит эффекты через использование**. Точка присутствия становится не «местом входа», а **точкой расшифровки знака**. Это третий режим работы метода, который нельзя свести ни к предельному состоянию (рождение из «ничего»), ни к исполнению (Декарт). Здесь «жар-птица» вспыхивает не от удара о границу и не от волевого переворота, а от **непроизвольного воспоминания**, которое приходит само, но требует «труда» для того, чтобы не погаснуть.

5.1. Датировка и статус текста

Лекции были прочитаны в Тбилисском государственном университете в 1981–1982 годах. Это **первый цикл** Мамардашвили о Прусте. Текст, которым мы располагаем, — расшифровка магнитофонных записей, «просмотренная, но не правленная автором». Первая публикация — 1995 год (Ad Marginem), затем исправленное и дополненное издание 2015 года, подготовленное Фондом Мамардашвили, и двухтомник

2025 года.

Для нашей задачи важно: это **не «литературоведение»**. Мамардашвили использует роман Пруста как «уникальное пространство понимания того, что можно было бы назвать феноменологией события» . Пруст интересует его не как писатель, а как **мыслитель, описавший механизм рождения смысла из впечатления**.

5.2. Расцепление: Разрыв с «утраченным временем»

В лекциях о Прусте расцепление принимает форму, которую сам Мамардашвили описывает через «гнев повторений». В фрагменте, где он говорит о «вакханалии доносов» и о неспособности извлечь смысл из опыта, формулируется: «Никогда мы ничему не научились, никогда ничего не извлекли (смыслы), тысячу раз повторяем одно и то же, а нам всё кажется, что то, что мы делаем, непохоже на то, что было. Такого рода кручения и называются у Пруста **утерянным, или утраченным, временем**».

Это и есть расцепление в прустовском модусе: разрыв с **автоматическим повторением**, в котором опыт не становится событием. «Утраченное время» — не хронологическая утрата, а **структурная неспособность** извлечь смысл из впечатления, которое было. Если смысл не извлечён, впечатление «растеривается», и жизнь возвращается «на круги своя».

5.3. Символ: Впечатление как знак, требующий расшифровки

Ключевое различение, которое документирует исследование: **непроизвольное воспоминание** — это «внешний толчок к мышлению, тот внешний знак, который нужно расшифровать». **Произвольная память**, основанная на этом знаке, «есть интерпретация знака, именно она является тем, что Мамардашвили называет "трудом жизни"».

Это уточняет понимание символа. Впечатление (вкус мадленки, неровность камней) — не «символ» в смысле «метафизической сущности» (как у Лосева) и не «пустая форма» в смысле «структуры порождения» (как ego cogito). Это **знак**, который приходит **внезапно и независимо от воли**: «я не искал этой неровности мостовой». Он «не до конца понимаем», но «есть мы сами как понимающие» — то есть он требует **интерпретации**, а не «исполнения» и не «входа».

Мамардашвили формулирует это через «труд»: «Пространство истины может быть расширено только трудом, а само по себе оно — мгновение. И если упустил его… всё — будет хаос и распад, ничего не повторится, и мир уйдёт в небытие» . Впечатление длится мгновение; труд **расширяет** его, не давая погаснуть.

5.4. Точка: «Место» как время-пространство

Третий такт — локализация — в лекциях о Прусте принимает форму, которую Мамардашвили описывает через понятие **«места»**. В фрагменте, где он вводит «тоску», «страдание», «труд жизни», «отстранение», он говорит: «Я называл это сознанием. И с таким же успехом я могу назвать это **ме-**

стом. Место. И время, о котором мы будем говорить… есть время этого места. Или **время-пространство. Время-место**».

Это не «геометрическая точка» и не «момент в хронологии». Это **топологическая сингулярность** , в которой прошлое стягивается и становится доступным. «Тайная химия жизни» — активность, которую нельзя разложить на последовательные звенья: «Нельзя поставить то, что произойдёт в моей или вашей голове, в эту цепь. Не ставится. **Понять можешь только ты сам**» .

5.5. «Труд» как онтологическая практика

Ключевое отличие от Декарта: «решимость» была энергией **переворота**, действием, преодолевающим препятствие. «Труд» у Пруста — энергия **удержания**, которая работает через «не-действие». Исследование формулирует: Мамардашвили «очень подозрительно относится ко всем волевым, контролируемым психологическим операциям, которые обычно называют памятью, вниманием, выбором». Впечатление приходит само; задача — «не растерять» его.

Это уточняет статус «жар-птицы» в прустовском модусе: она **не вспыхивает от усилия**, а **удерживается трудом** . Труд не производит вспышку; он не даёт месту, где она может появиться, заполниться иллюзией. Без труда — «утраченное время» и повторение; с трудом — возможность, которая остаётся негарантированной.

5.6. Что документировано, а что реконструировано

Документировано:

· Датировка (1981–1982, Тбилиси) .

· Различение непроизвольной памяти (знак) и произвольной (труд интерпретации) .

· «Пространство истины расширяется только трудом» .

· «Место» как время-пространство .

· «Утраченное время» как повторение без извлечения смысла .

Реконструировано (наша работа):

· Соотнесение прустовского модуса с трёхтактной структурой (расцепление символ точка).

· Понимание «труда» как энергии удержания, отличной от декартовской «решимости».

· Связка «жар-птицы» с мгновением впечатления, удерживаемым трудом.

5.7. Что это даёт для дальнейшего анализа

Первое. Пруст даёт **третий режим** работы механизма: не «рождение» (предел) и не «исполнение» (Декарт), а **«расшифровка»**. Это не иерархия и не альтернативный путь к тому же событию, а **другой тип акта**, работающий с другим материалом (впечатление) и дающий другой результат (смысл, извлечённый из знака).

Второе. «Труд» как удержание уточняет понимание «точки»: она не «место сборки» в общем смысле, а **время-место**, в котором мгновение впечатления расширяется до пространства истины. Без труда оно остаётся «долей секунды»

и исчезает.

Третье. Пруст вводит различие, которое будет важно для главы 19: **топос** (античность) — структура входа; **ноогенная машина** (Пруст) — структура использования. В обоих случаях работает один механизм, но «приводной ремень» разный.

Переход к главе 6. Если Пруст показал режим «расшифровки», то следующий вопрос: **что происходит, когда акт не «расшифровывает» знак и не «удерживает» впечатление, а совершается как волевой переворот в мгновении**? Глава 6 о Декарте вскрывает режим «исполнения», в котором точка присутствия становится местом, где воля переопределяет страсть, а «решимость» заставляет символ сработать.

Глава 6. Декарт: «Картезианские размышления» (1981–1984)

Тезис главы

Если Пруст показал режим «расшифровки» (знак приходит сам, труд удерживает его), то Декарт вскрывает принципиально иной режим: **«исполнение»**. Здесь точка присутствия — не место, где расшифровывается впечатление, а место, где **воля совершает переворот**, а мысль становится бытием в акте cogito. «Решимость» у Декарта — не «труд» удержания, а энергия, которая заставляет символ сработать. Это третий режим работы механизма, и он требует отдельного описания.

6.1. Датировка и статус текста

«Картезианские размышления» — цикл лекций, прочитанных в 1981–1984 годах в разных аудиториях (включая Институт философии в Тбилиси). Текст, которым мы располагаем, — не авторская монография, а расшифровка лекций, опубликованная в 1993 году (издательская группа «Прогресс»–«Культура») и переизданная в 2002 году в составе «Философских чтений».

Для нашей задачи важно: Мамардашвили читает Декарта не как «отца рационализма», а как мыслителя, у которого **акт мысли совпадает с актом существования**. Исследо-

вание подчёркивает: «cogito у Декарта не есть субстанция». Это не «учение о субстанции», а **событие**, которое случается в точке.

6.2. Расцепление: Сомнение как технический разрыв

В «Картезианских размышлениях» расцепление принимает форму **радикального сомнения**. Но это не психологическое состояние и не «методологический приём». Исследование формулирует: сомнение у Мамардашвили — это «отвержение всего привычного, стандартного, типового и заимствованного». Это разрыв с тем, что «вошло в тебя помимо твоей воли», «отсекание чужой мысли и всего, что появилось без твоего согласия».

Ключевое: сомнение расцепляет не с «миром» в целом, а с **автоматизмом содержания**. Человек обнаруживает, что его «я» — не «реальная структура, укоренённая в онтологии сознания», а «псевдоструктура, вторичное образование». Это и есть зазор, в котором только и может родиться мысль.

6.3. Символ: Ego cogito как «пустая форма», а не субстанция

Центральный символ у Декарта — **ego cogito**. Но Мамардашвили читает его не как «мыслящую субстанцию», а как **символ в строгом смысле**: «Понятие того, о чём мы сейчас размышляем, в каком-то смысле не есть понятие. Это скорее, конечно, символ, соотносясь с которым и сопрягаясь

с действием, которого, мысля его как понятие, мы развиваемся как живые существа или перерождаемся, но не познаём».

Это уточняет: cogito — не «факт сознания», который можно «познать». Это **пустая форма**, которая производит человека как мыслящего. Исследование подтверждает: Мамардашвили «радикально» решает проблему перехода от сознания к существованию, утверждая, что здесь «нет никакой импликации»: «cogito ergo sum» — не вывод, а **событие**, которое «случилось». «То есть — о-существилось бытие, и доказывать ничего не нужно».

6.4. Точка: «Мгновение-одновременность» и «втискивание»

Третий такт — локализация — принимает у Декарта форму, которую Мамардашвили описывает через **дискретность времени**. Исследование цитирует: «Мой момент существования не вытекает из того, что было прежде, и последующий момент не вытекает из того, что я сейчас здесь. Если я начал мыслить, то из этого не вытекает, что мысль появится на следующем шаге» . Мысль не «длится» автоматически; она должна **воссоздаваться** в каждой точке.

Именно здесь появляется формула, которая стала ключевой для нашей реконструкции: «Нужно **телесно втиснуться между глыбами мира**, встать на ожидающее тебя место, и тогда — впереди тебя рождается мысль» . Точка — не «место в пространстве», а **акт телесного усилия**, в котором

человек занимает место, которое никто другой не может занять. Исследование уточняет: «исполнение cogito — вечное настоящее — не является точкой остановки активности. Напротив — это момент максимальной активности и предельного бытия».

6.5. «Решимость» и великодушие: Энергия переворота

В аффективном модусе (который мы разберём в главе 13) великодушие работает как «взрывающаяся мина». Но уже здесь важно зафиксировать: «решимость» у Декарта — не «труд» удержания (как у Пруста), а **энергия переворота**. Исследование цитирует определение великодушия: «Великодушие — это свобода и власть распоряжаться собой и своими намерениями, потому что ничто другое нам не принадлежит» . И далее: великодушие «предполагает, что мир таков, что в любой данный момент в нём может что-то случиться **только с моим участием**» .

Это уточняет различие режимов: Пруст **удерживает** то, что пришло само; Декарт **совершает** то, что должно случиться через его участие. «Труд» — энергия внимания; «решимость» — энергия действия. Оба работают в точке, но поразному.

6.6. Что документировано, а что реконструировано

Документировано:

· Сомнение как «отсекание чужой мысли».

· Cogito как символ, а не субстанция.

· «Телесно втиснуться между глыбами мира».

· Дискретность моментов времени.

· Великодушие как «свобода распоряжаться собой».

Реконструировано (наша работа):

· Соотнесение декартовского модуса с трёхтактной структурой.

· Понимание «решимости» как энергии переворота, отличной от прустовского «труда».

· Связка «жар-птицы» с мгновением cogito, которое «вспыхивает» и требует воссоздания.

6.7. Что это даёт для дальнейшего анализа

Первое. Декарт даёт **третий режим** работы механизма: не «рождение» (предел) и не «расшифровка» (Пруст), а **«исполнение»**. Это не иерархия, а параллельные режимы, работающие с разным материалом (сомнение, впечатление, предел) и дающие разный результат.

Второе. «Решимость» как энергия переворота уточняет понимание «жар-птицы»: она вспыхивает не от «труда» удержания, а от **волевого акта**, который занимает место и воссоздаёт мысль. Без этого акта мысль не «длится»; она распадается вместе с дискретностью времени.

Третье. Декарт вводит различие, которое будет важно для главы 20: **решимость** (энергия действия) vs. **труд** (энергия удержания). Оба работают в точке, но один «переворачивает», а другой «не даёт погаснуть».

Переход к главе 7. Если Декарт показал режим «ис-

полнения» через волевой переворот, то следующий вопрос: **что происходит, когда акт мысли понимается не как волевое усилие и не как расшифровка знака, а как трансцендентальная структура, делающая опыт возможным**? Глава 7 о Канте вскрывает режим «критики», в котором точка присутствия становится местом, где «прилепленность» к миру расцепляется через анализ условий возможности опыта, а лента Мёбиуса работает как топологическая модель совпадения чистого и эмпирического сознания.

Глава 7. Кант: «Кантианские вариации»

Тезис главы

Если Декарт показал режим «исполнения» через волевой переворот, то Кант вскрывает режим **«критики»**. Здесь точка присутствия становится местом, где «прилепленность» к миру расцепляется через анализ условий возможности опыта, а лента Мёбиуса работает как топологическая модель совпадения чистого и эмпирического сознания. Учение Канта у Мамардашвили приводится к **онтологии События** . Это не историко-философская реконструкция, а акт мысли, в котором Кант становится «производящим организмом», а не объектом учёности.

7.1. Датировка и статус текста

«Кантианские вариации» — цикл лекций, изданный в 1997 году (издательство «Аграф», серия «Путь к очевидности») . Текст, как и другие лекционные курсы Мамардашвили, — не авторская монография, а расшифровка устных выступлений. Исследование подчёркивает: «Читая лекции о своих любимых философах, Мераб Константинович никогда не предпринимал специальных усилий для их публикации» .

Для нашей задачи важно: «Вариации» — это не «изложение Канта». Это **акт продумывания Канта на особом**

языке, в реестре новых понятий . Кант здесь нужен не для того, чтобы «понять, что он сказал», а для того, чтобы **помыслить то, что он сделал возможным**.

7.2. Расцепление: «Расцепить то, как мы прилепились к миру»

Ключевая формула, документированная в тексте: «Вся сила мысли Канта, все построения его сложнейшего технического аппарата, сложнейшей системы понятий появились для того, чтобы **расцепить то, как мы прилепились к миру**, считая, что наши человеческие представления и есть мир сам по себе».

Это и есть расцепление в кантовском модусе. Не сомнение в существовании мира (как у Декарта), а разрыв с **отождествлением наших представлений с вещами самими по себе**. Кант у Мамардашвили — не «скептик» и не «агностик». Он — мыслитель, который показал: между нашими представлениями и вещами есть зазор, и именно в этом зазоре возможна свобода.

Исследование уточняет: расцепление направлено не на «мир», а на **привычку считать, что наше описание мира и есть мир**. Это разрыв с «естественной установкой» в её кантовской форме.

7.3. Символ: Лента Мёбиуса как топологическая модель

Ключевая документированная находка: «Возможность совпадения чистого и эмпирического сознания осуществля-

ется Мамардашвили через **образ ленты Мёбиуса**».

Это уточняет понимание символа в кантовском модусе. Если у Декарта символом было ego cogito (пустая форма, порождающая мыслящего), то у Канта символом становится **сама структура совпадения** чистого и эмпирического. Лента Мёбиуса — не «модель сознания» в смысле «изображения». Она есть **топологическая фигура**, которая показывает: то, что кажется двумя сторонами (трансцендентальное и эмпирическое), на деле есть **одна поверхность**. Переход с одной стороны на другую не требует разрыва; он требует **переворота**.

Исследование также фиксирует: «Учение Канта у Мамардашвили уверенно приводится к **онтологии События**». Это означает, что «событие» у Канта — не «факт опыта», а **акт, в котором чистое и эмпирическое совпадают**. Лента Мёбиуса — топологический чертёж этого совпадения.

7.4. Точка: «Минимальное различие» и «расширение души»

Третий такт — локализация — в «Кантианских вариациях» принимает форму, которую исследователи описывают как **«внесение минимальных различий»** в интеллигибельную материю. Это работа в точке присутствия: не глобальные преобразования, а **бесконечно малое изменение**, которое открывает доступ к тому, что не выводится из наличного опыта.

Мамардашвили называет это **«расширением души» —**

процессом, в котором человек через акт мысли становится способным на то, что раньше было невозможно. В кантовском модусе это означает: точка присутствия — не «место, где я познаю мир», а **место, где я становлюсь способным на опыт**, который без этого акта не состоялся бы.

7.5. Что документировано, а что реконструировано

Документировано:

· Выход «Кантианских вариаций» (1997, «Аграф»).

· Формула «расцепить то, как мы прилепились к миру».

· Лента Мёбиуса как модель совпадения чистого и эмпирического.

· Онтология События как рамка.

· «Минимальное различие» и «расширение души» (исследовательская реконструкция).

Реконструировано (наша работа):

· Соотнесение кантовского модуса с трёхтактной структурой (расцепление символ точка).

· Понимание «критики» как режима, отличного от «исполнения» (Декарт) и «расшифровки» (Пруст).

· Связка «жар-птицы» с «минимальным различием», которое вспыхивает в точке переворота ленты.

7.6. Что это даёт для дальнейшего анализа

Первое. Кант даёт **четвёртый режим** работы механизма: не «рождение» (предел), не «исполнение» (Декарт) и не «расшифровка» (Пруст), а **«критика»**. Это не иерархия, а параллельный режим, работающий с материалом «прилеп-

ленности» и дающий результат «расцепления».

Второе. Лента Мёбиуса уточняет понимание «жар-птицы»: она вспыхивает не от волевого акта (Декарт) и не от удержания впечатления (Пруст), а от **переворота на одной поверхности**, который открывает зазор между представлением и вещью.

Третье. Кант вводит различие, которое будет важно для главы 20: **«критика» как энергия расцепления** vs. **«решимость» как энергия переворота**. Оба работают в точке, но один «разрывает сращённость», а другой «занимает место».

Переход к главе 8. Если Кант показал режим «критики» через расцепление «прилепленности», то следующий вопрос: **что происходит, когда расцепление и переворот понимаются не как акты сознания, а как структуры бытия, в которых максимум и минимум совпадают**? Глава 8 о Николае Кузанском вскрывает подземный слой, в котором «сфера с центром везде» становится топологической моделью точки, а «максимум в топосе» подготавливает пространство для Декарта и Канта.

Глава 8. Николай Кузанский: подземный слой

Тезис главы

Николай Кузанский не имеет у Мамардашвили отдельного лекционного курса. Он присутствует иначе — как **подземный слой**, который делает возможной саму топологию точки. Если античность дала «мёбиусную сетку» как структуру входа, а Декарт и Кант — режимы исполнения и критики, то Кузанский даёт **онтологическую предпосылку**: «максимум в топосе, минимум под эмпирией» и «сфера с центром везде» суть топологические фигуры, без которых точка присутствия не могла бы мыслиться как место совпадения конечного и бесконечного. Документально Кузанский фиксируется в «Картезианских размышлениях» как фон для Декарта, а в исследовательской литературе — как источник тезиса о тождестве максимума и минимума, который Мамардашвили использует для описания трансцендентального «я».

8.1. Документированное присутствие: «Картезианские размышления»

Библиографическое описание «Картезианских размышлений» (1993, «Прогресс»–«Культура») указывает Николая Кузанского среди **персоналий**, к которым Мамардашвили обращается в связи с Декартом. Это не «тема лекции» и не

«раздел», а именно **персоналия** — имя, которое возникает в ходе размышления о Декарте.

Это важно зафиксировать: Кузанский у Мамардашвили **не «излагается»**. Он **упоминается** как фигура, которая подготовила то, что позже «эмерджировало» у Декарта. В главе 6 мы уже видели, что «Картезианские размышления» документируют кузанскую проблему «максимума и минимума» как предпосылку декартовской точки. Глава 8 возвращается к этому, чтобы показать: **Кузанский — не «ещё один курс», а структура, которая работает в других курсах**.

8.2. «Сфера с центром везде»: документированный образ

Наиболее прямая документированная связь Мамардашвили с Кузанским — через образ **«бесконечной сферы с центром в любой точке, а окружностью или окраиной нигде»**. В статье, ссылающейся на «Лекции о Прусте», этот образ приводится именно в контексте кузанской традиции: «У Николая Кузанского развивается представление о мире ином, трансцендентном миру опыта и в то же время пересекающимся с ним. Этот иной мир есть бесконечная сфера с центром в любой точке, а окружностью или окраиной нигде».

Там же цитируется Мамардашвили: «Всё решается... непосредственно в той точке, где мы стоим — и движемся внутрь себя». Это не «разбор Кузанского», но **совпадение структуры**: кузанская сфера с центром везде и мамар-

дашвилевская точка присутствия описывают одно и то же топологическое отношение. Бесконечность не «где-то сверху»; она стянута в точку, в которой человек стоит.

8.3. «Максимум и минимум»: документированный тезис

Диссертационное исследование, анализирующее Мамардашвили, фиксирует прямо: «Для Мамардашвили здесь важен тезис Николая Кузанского о тождестве максимума и минимума». Далее приводится цитата из Мамардашвили: «Мы обычно представляем, что есть какая-то материальная, обыденная, эмпирическая жизнь, она — "низ", и наряду с ней как некая территория, расположенная над этим миром, существует "верх" — дух. А у Канта совершенно другое представление (трудно проследить, откуда оно идет, может быть **от Николая Кузанского с его теорией максимума и минимума**), оно вообще не поддается аналогии верх — низ».

Это ключевое свидетельство. Кузанский нужен Мамардашвили не для «истории философии», а для того, чтобы **сломать наглядную схему «верх–низ»**. Если максимум и минимум совпадают, то трансцендентное не «над» имманентным. Оно **внутри** него, «изнутри захватывающее, пронизывающее любой предмет» . Именно это делает возможной топологию точки: бесконечное не «где-то», а в минимальной точке эмпирического.

8.4. «Минимальное различие» как вход в вневременное

Там же исследование связывает кузанский тезис с механизмом «минимального различия»: «Фиксируя в себе бесконечно малое изменение, индивид получает доступ к осознанию вневременного. Так мы и подходим к тезису Кузанского о том, как **минимум содержит в себе максимум**».

Это уточняет понимание «точки» в лекциях о Прусте. Точка — не «момент» в хронологии, а **место**, в котором минимальное различие (бесконечно малое изменение состояния) открывает доступ к вневременному. Кузанский даёт язык для этого: минимум не «меньше» максимума, он **содержит** его. «Время-место» у Пруста — это и есть кузанская сфера, стянутая в точку.

8.5. Что документировано, а что реконструировано

Документировано:

· Николай Кузанский указан среди персоналий «Картезианских размышлений».

· Образ «сферы с центром везде» в связи с Мамардашвили.

· Тезис о тождестве максимума и минимума как источник кантовского представления у Мамардашвили.

· Связка «минимального различия» с кузанским «минимум содержит максимум» .

Реконструировано (наша работа):

· Понимание Кузанского как «подземного слоя», а не отдельного курса.

· Соотнесение кузанской сферы с трёхтактной структурой

(расцепление символ точка).

· Роль Кузанского как онтологической предпосылки топологии точки, а не «исторического источника».

8.6. Что это даёт для дальнейшего анализа

Первое. Кузанский не является «главой» в хронологии курсов. Он — **структура**, которая работает в других главах. Это важно для оглавления: глава 8 не «продолжает» хронологию, а **возвращается** к тому, что было намечено в главах 2, 3, 6 и 7, и показывает онтологический слой, без которого топология точки не имела бы языка.

Второе. «Сфера с центром везде» — не метафора, а **топологическая модель**, которая позволяет мыслить точку присутствия как место, где бесконечное не «над» конечным, а **в** нём. Это уточняет понимание «жар-птицы»: она вспыхивает не «в мире ином» и не «в этом мире», а в точке, где максимум и минимум совпадают.

Третье. Кузанский вводит различие, которое будет важно для главы 23 (документ и реконструкция): он **не документирован** как «тема» Мамардашвили, но документирован как **источник тезиса**, который Мамардашвили использует. Это пример того, как «подземный слой» работает в тексте, не будучи его «содержанием».

Переход к главе 9. Если Кузанский дал онтологическую предпосылку топологии точки, то следующий вопрос: **что происходит, когда эта топология применяется не к «бытию» и не к «сознанию», а к самой рационально-**

сти? Глава 9 о «Классическом и неклассическом идеалах рациональности» вскрывает режим, в котором расцепление принимает форму критики «превращённых форм», символ — форму «неклассического объекта», а точка — форму «наблюдателя», включённого в процесс познания.

Глава 9. «Классический и неклассический идеалы рациональности» (1986–1987)

Тезис главы

Если Кузанский дал онтологическую предпосылку топологии точки, то следующий шаг — применение этой топологии не к «бытию» и не к «сознанию», а к **самой рациональности**. Здесь метод Мамардашвили становится наиболее эксплицитным: расцепление принимает форму критики «превращённых форм», символ — форму «неклассического объекта», а точка — форму «наблюдателя», включённого в процесс познания. Это курс, в котором «машина» метода работает не на материале чужой мысли, а на **структуре производства знания как такового**.

9.1. Датировка и статус текста

Курс «Классический и неклассический идеалы рациональности» был прочитан в 1986–1987 годах и издан в 1984 году (по другим данным — в 1984-м, что предшествует датировке лекций; вероятно, речь идёт о публикации текста, а не лекций) . Существуют также «Лекции по античной философии» 1978–1980 годов, но данный курс стоит особняком: он **методологический**, а не историко-философский.

Для нашей задачи важно: это единственный курс, в ко-

тором Мамардашвили **эксплицитно** формулирует структуру метода, которую мы реконструировали в главах 2 и 3. Здесь «расцепление», «символ» и «точка» не скрыты за образами Декарта или Пруста, а названы своими именами — или, точнее, описаны через понятия «превращённой формы», «неклассического объекта» и «наблюдателя».

9.2. Расцепление: Критика «превращённых форм»

В этом курсе расцепление принимает форму **деструкции классического идеала рациональности** . Мамардашвили показывает, что классическая рациональность основана на «трансвертированных формах» — превращённых формах сознания, которые объективируют реальность и скрывают её сложное смысловое пространство. Расцепление здесь — это усилие «приостановить готовые, привычные интерпретации» и проникнуть под поверхностный слой идеологических упрощений.

Исследование подчёркивает: Мамардашвили «выводит сознание за рамки психической деятельности отдельного человека», видя в нём онтологический феномен, «не совместимый с индивидуальной субъективностью». Расцепление в методологическом модусе — это разрыв не с «миром» и не с «прилепленностью», а с **самой формой мысли, которая полагает знание как готовый продукт** . Классический идеал рациональности предполагает, что знание «отражает» реальность; расцепление показывает, что знание **производится** в акте, который не сводится к отражению.

9.3. Символ: «Неклассический объект» как пустая форма

Если у Декарта символом было ego cogito, у Канта — лента Мёбиуса, у Пруста — впечатление, то здесь символом становится **понятие неклассического объекта**. Такой объект не дан как готовая вещь; он **включает в себя наблюдателя и условия наблюдения**. Это «пустая форма», которая не описывает реальность, а задаёт **принцип её конструирования** в акте познания.

Исследование уточняет: неклассический идеал рациональности характеризуется «включённостью наблюдателя в процесс познания». Это не «субъективизм»; это структурное утверждение: объект неклассической науки не может быть описан без указания на то, **как** он наблюдается. Символ работает как матрица, производящая знание, а не как «отражение» готовой реальности.

9.4. Точка: «Наблюдатель» как место сборки

Третий такт — локализация — принимает форму **наблюдателя**, который не находится «вне» объекта, а **включён** в него. Мамардашвили описывает это как «встречу с миром лицом к лицу», где мир «существует впервые именно для меня». Акт познания не гарантирован: он должен **активно совершаться в первом лице и непрерывно возобновляться**. Если этого усилия нет, человек застревает в повторяющихся циклах нерешённого опыта.

Это уточняет понимание точки: она не «место в простран-

стве» и не «момент в времени», а **позиция наблюдателя**, который своим актом изменяет пространство смысла. Исследование формулирует: «Понимание не может быть делегировано, оно совершается "на свой страх и риск"». Точка — это место, где наблюдатель **отвечает** за акт познания, который без него не состоится.

9.5. Что документировано, а что реконструировано

Документировано:

· Выход курса (1984) и его методологический статус.

· Понятие «превращённой формы» как предмета критики.

· «Неклассический объект» как включающий наблюдателя.

· «Наблюдатель» как позиция, а не субъект.

Реконструировано (наша работа):

· Соотнесение курса с трёхтактной структурой (расцепление символ точка).

· Понимание «критики превращённых форм» как расцепления в методологическом модусе.

· Связка «жар-птицы» с актом наблюдателя, который «вспыхивает» в точке познания.

9.6. Что это даёт для дальнейшего анализа

Первое. Этот курс даёт **эксплицитную формулировку** метода, которую мы реконструировали в главах 2–3. Здесь «расцепление», «символ» и «точка» видны не через образы, а через понятия «превращённой формы», «неклассического объекта» и «наблюдателя».

Второе. «Неклассический объект» уточняет понимание символа: он не «описывает» реальность и не «отражает» её, а **конституирует** её в акте познания. Это подтверждает тезис главы 2: символ есть «пустая форма», которая производит, а не описывает.

Третье. «Наблюдатель» уточняет понимание точки: она не «место сборки» в общем смысле, а **позиция ответственности**, в которой акт познания либо совершается, либо подменяется «превращённой формой». Это готовит переход к части IV, где мы рассмотрим конкретные режимы работы механизма — аффективный, социальный и онтологический.

Переход к главе 10. Если глава 9 завершила хронологический раздел, то следующий вопрос: **какие образы и «приводные ремни» делают этот механизм наглядным**? Глава 10 вскрывает ленту Мёбиуса как топологическую фигуру, которая работает и в античности («мёбиусная сетка»), и у Канта (совпадение чистого и эмпирического), и в «Символе и сознании» (сфера сознания). Это первый из трёх образов, которые придают чертежу жизнь.

ЧАСТЬ III. ОБРАЗЫ И «ПРИВОДНЫЕ РЕМНИ»

Глава 10. Лента Мёбиуса: топология одной поверхности

Тезис главы

Лента Мёбиуса у Мамардашвили — не математическая иллюстрация и не «метафора сознания». Это **техническое описание топологической структуры**, в которой то, что кажется двумя сторонами (внутреннее и внешнее, чистое и эмпирическое, субъект и объект), на деле есть **одна поверхность**. Документально лента Мёбиуса фиксируется в «Кантианских вариациях» как образ совпадения чистого и эмпирического сознания. Но её корни уходят глубже — в античные лекции, где Мамардашвили рисует «сетку Мёбиуса» как производящую структуру, и в «Символ и сознание», где «сфера сознания» работает по той же топологической логике. Настоящая глава вскрывает три модуса ленты Мёбиуса и показывает, почему она является первым «приводным ремнём» механизма.

10.1. Документированная опора: «Кантианские вариации»

Исследование 2024 года формулирует прямо: «Возможность совпадения чистого и эмпирического сознания осуществляется Мамардашвили через **образ ленты Мёбиуса**». Это не наша реконструкция, а документированное свидетельство.

Что это означает? У Канта чистное сознание (трансцендентальное «я») и эмпирическое сознание (конкретный человек с его состояниями) мыслятся как два разных уровня. Мамардашвили через ленту Мёбиуса показывает: это **не два уровня, а одна поверхность**. Переход с «чистой» стороны на «эмпирическую» не требует разрыва; он требует **переворота**. Лента Мёбиуса — топологический чертёж этого переворота.

10.2. «Сетка Мёбиуса»: античный исток

Но лента Мёбиуса у Мамардашвили не только кантовская. Исследование А. А. Парамонова «Стихия чертежа» реконструирует рисунок из **девятой лекции по античной философии**, где Мамардашвили вводит «сетку Мёбиуса» как «математический пример» для иллюстрации платоновской «онтологической абстракции порядка».

Конструкция такова: плоскость (психическая жизнь, хаос точек-событий), под ней сфера, касающаяся плоскости в одной точке. Лучи из нижнего полюса сферы (точка Z) проецируют каждую точку плоскости на сферу. Проекция бесконечной плоскости на сферу — это **сфера Неймана**. «Сетка Мёбиуса» — наглядное представление этой проекции в

виде прямоугольной координатной сетки, отображённой на сферу.

Что это даёт? «Такая система позволяет оперировать с отрезками бесконечной длины, представляя их дугами конечной длины, лежащими на сфере. Фактически перед нами структурное пространственное выражение принципа работы **ноогенной машины** или "третьих вещей", порождающих непосредственную данность бесконечного в конечном» .

Это уточняет понимание ленты Мёбиуса: она не просто «односторонняя поверхность». Она — **механизм упаковки бесконечного в конечное**, работающий через проекцию. В античном модусе это способ, которым «Илиада» (топос) делает грека греком. В кантовском модусе — способ, которым трансцендентальное совпадает с эмпирическим.

10.3. «Сфера сознания»: третий модус

В «Символе и сознании» та же топологическая логика работает под именем **«сферы сознания»**. Документированное определение: «"Сферу сознания" мы вводим для обозначения гипотезы о том, что сознание может быть описано **вне приурочивания… к определенному психическому субъекту, индивиду**». Сфера — это «метасфера» по отношению к другим возможным сферам рассмотрения.

Исследование уточняет: «сфера сознания» — это «псевдотопологическое понятие», которое заменяет «картезианского человека», но не отменяет «возможности размышлять о событийности сознания, о его состояниях и структуре» .

Сфера «пуста» в том смысле, что она не получает никаких определений; она есть **чистая возможность события**.

Лента Мёбиуса и сфера сознания — не два разных образа, а **два аспекта одной конструкции**. Лента показывает, что поверхность одна; сфера показывает, что эта поверхность может быть «центром везде». Вместе они дают топологию точки присутствия: место, где бесконечное стягивается в конечное, не выходя «наружу».

10.4. Что документировано, а что реконструировано

Документировано:

· Лента Мёбиуса как образ совпадения чистого и эмпирического сознания в «Кантианских вариациях».

· «Сетка Мёбиуса» в девятой лекции по античной философии как проекция плоскости на сферу.

· «Сфера сознания» как метасфера, описываемая вне привязки к психическому субъекту.

· Связь «сетки Мёбиуса» с принципом работы «ноогенной машины».

Реконструировано (наша работа):

· Понимание трёх модусов (античный, кантовский, «Символ и сознание») как одной топологической структуры.

· Соотнесение ленты Мёбиуса с трёхтактной структурой (расцепление символ точка).

· Понимание «переворота» на ленте как операции, которая не выводит «наружу», а меняет ориентацию на той же поверхности.

10.5. Что это даёт для дальнейшего анализа

Первое. Лента Мёбиуса — не «метафора», а **чертёж**. Она показывает, что расцепление (разрыв с «прилепленностью») не выводит человека в «чистое сознание», а переворачивает его на той же поверхности. Это уточняет понимание «жар-птицы»: она вспыхивает не «в другом мире», а в точке переворота.

Второе. «Сетка Мёбиуса» как проекция бесконечного на конечное уточняет понимание символа: символ работает как **проекция**, которая делает бесконечное доступным в конечной форме, не исчерпывая его.

Третье. Лента Мёбиуса связывает античный модус (топос как структура входа) и кантовский модус (совпадение чистого и эмпирического). В обоих случаях работает один механизм: **одна поверхность, переворот, точка**. Это готовит переход к главе 11, где «улитка» покажет **механизм индивидуации** — как форма возникает из процесса, не будучи запрограммированной.

Переход к главе 11. Если лента Мёбиуса дала топологию одной поверхности, то следующий вопрос: **как на этой поверхности возникает форма**? Глава 11 вскрывает «улитку» как образ индивидуации: закон спирали не содержит указания на то, где остановится живая улитка, и эта остановка — событие, которое не выводится из закона.

Глава 11. Улитка: механизм индивидуации

Тезис главы

Если лента Мёбиуса задаёт **топологию** «одной поверхности», то улитка задаёт **механизм** того, как на этой поверхности возникает форма. Закон спирали не содержит указания на то, где остановится живая улитка; остановка — это **индивидуация**, событие, не выводимое из закона. В методе Мамардашвили эта фигура соответствует третьему такту — «точке», но уточняет его: точка — не «место сборки» в общем смысле, а **момент остановки преобразования** , в котором процесс порождает форму, не будучи запрограммированным на неё. Поскольку образ «улитки» в доступных источниках эксплицитно не документирован, настоящая глава реконструирует его функцию через документированные понятия индивидуации, усилия и события.

11.1. Документированное понятие индивидуации

Исследование философии Мамардашвили, опирающееся на его лекции, фиксирует: «Индивидуация и событие» — это сквозная тема, проходящая через все его работы. «Умное место» (когитальное), которое Мамардашвили пытается наметить, «топологично», «фактично», «событийно» . Попасть в него можно «только случаем»; оно требует «предельной

индивидуации» .

Ключевая формула: «Такая редукция, сосредоточивающая распространенный (рассеянный) в пространстве и времени мир в некую нулевую точку, есть условие возможности как философской мысли... так и экзистенциальной индивидуации» . Это означает: индивидуация — не «развитие личности» и не «выделение частного из общего». Это **сжатие мира в точку**, в которой мысль и существование совпадают.

11.2. Усилие как «первое лицо»

Другое исследование, анализирующее топологическое пространство у Мамардашвили, формулирует: индивидуальный акт познания — это «трудный, прерывистый, негарантированный эпизодический акт», который «должен быть выполнен в первом лице», несмотря на то что он «не инициируется исключительно индивидуальной волей» и должен «совершаться каждый раз заново» .

Это уточняет механизм индивидуации. Улитка не «решает» остановиться; остановка **случается** в точке, где усилие первого лица встречается с топологической структурой. Усилие не производит форму; оно **удерживает место**, в котором форма может возникнуть. Без усилия место заполняется «иллюзией» (как было установлено в главе 5); с усилием оно остаётся открытым для события, которое «не инициируется волей».

11.3. «Каждый раз заново»: повторение как условие формы

Исследование подчёркивает: у Мамардашвили «аутентичность акта познания зависит от его совершения каждый раз заново». В «Кантианских вариациях» он формулирует: «Наша задача — делать всё с начала, каждый раз с начала, несмотря на то, что мир уже совершён к этому моменту... здесь и теперь ты должен воспроизвести мир и себя в мире» .

Это парадоксальным образом соединяет «улитку» с «лентой Мёбиуса». Лента Мёбиуса показывает, что поверхность одна; улитка показывает, что форма на этой поверхности возникает **только через повторение**, которое каждый раз есть **первое**. Спираль не «разворачивается» по закону; она **воссоздаётся** в каждой точке остановки. Индивидуация — не «результат» процесса, а **событие**, которое должно случиться заново, чтобы форма вообще была.

11.4. «Без меня»: граница усилия

Ранее (в главе 5) было установлено, что у Пруста усилие работает в зоне, где «без меня» и «только я могу» совпадают. Это уточняет понимание индивидуации: остановка улитки — не «акт воли», а **событие**, в котором усилие первого лица совпадает с тем, что «не инициируется волей». Исследование формулирует это через «риск»: акт познания совершается «на свой страх и риск», и «моё личное участие решающе для самого процесса понимания» .

Улитка, если она работает как образ, показывает именно это: форма возникает не потому, что кто-то «решил» её создать, а потому что **усилие удержания** в точке встречи с то-

пологической структурой позволило ей возникнуть. Без усилия — иллюзия; с усилием — возможность, которая остаётся негарантированной.

11.5. Что документировано, а что реконструировано

Документировано:

· Индивидуация как «сжатие мира в нулевую точку» .

· Акт познания как «негарантированный эпизодический акт», выполняемый «в первом лице» .

· «Каждый раз заново» как условие аутентичности .

· «На свой страх и риск» как характеристика акта .

Реконструировано (наша работа):

· Образ «улитки» как иллюстрация индивидуации (в доступных источниках не документирован).

· Соотнесение «остановки спирали» с третьим тактом (точка).

· Понимание индивидуации как «механизма», дополняющего «топологию» ленты Мёбиуса.

11.6. Что это даёт для дальнейшего анализа

Первое. Улитка уточняет понимание «жар-птицы»: она вспыхивает не «в точке» как в геометрическом месте, а в **остановке**, которая есть событие индивидуации. Без остановки — бесконечное преобразование без формы; с остановкой — форма, которая не выводится из закона.

Второе. Индивидуация связывает «улитку» с «лентой Мёбиуса»: лента даёт поверхность, улитка даёт механизм возникновения формы на этой поверхности. Вместе они

описывают **топологию события**: одна поверхность, повторение, остановка.

Третье. Если образ «улитки» не подтвердится текстологически, его функция всё равно остаётся: он делает наглядным то, что у Мамардашвили описано через «индивидуацию» и «усилие». В главе 23 это будет зафиксировано как пример реконструкции, которая работает, но не является цитатой.

Переход к главе 12. Если улитка дала механизм индивидуации, то следующий вопрос: **что заставляет механизм работать, если ни воля, ни закон не гарантируют остановку**? Глава 12 о «жар-птице» вскрывает реконструкцию «энергии события» — негарантированной вспышки, которая заставляет ленту перевернуться, а улитку остановиться. Это третий образ, который замыкает «приводные ремни» механизма.

Глава 12. Жар-птица: реконструкция энергии события

Тезис главы

Если лента Мёбиуса задала **топологию** одной поверхности, а улитка — **механизм** индивидуации, то третий образ должен ответить на вопрос: **что заставляет механизм работать**. Ни воля (Декарт), ни удержание (Пруст), ни трансцендентальная структура (Кант) не гарантируют события. «Жар-птица» в нашей реконструкции обозначает **негарантированную энергию вспышки**, которая заставляет ленту перевернуться, а улитку остановиться. Однако здесь необходимо снова зафиксировать границу: **в доступных академических источниках о Мамардашвили образ «жар-птицы» не встречается**. Поиск не дал ни одной ссылки, связывающей этот образ с его текстами. Поэтому настоящая глава — не реконструкция «скрытого термина», а **функциональная сборка**: она показывает, какое место в структуре метода занимает то, для чего у Мамардашвили нет отдельного имени.

12.1. Отсутствие документированного образа

Поиск по академическим и публицистическим источникам о Мамардашвили не обнаружил употребления образа «жар-птицы». Единственные результаты, содержащие это

слово, относятся к фольклору и литературоведению (анализ образа у Бальмонта, метафоры в прозе) и не имеют отношения к Мамардашвили . Это означает, что «жар-птица» в нашей схеме — **наша реконструкция**, а не документ.

Это не обесценивает её функцию. В предыдущих главах мы уже установили: метод Мамардашвили работает через образы, которые «ничего не изображают» и «не имеют предметного значения», но «индуцируют мышление». «Жар-птица» может работать так же — но её статус иной: она не «образ Мамардашвили», а **образ, который мы помещаем в его структуру**, чтобы обозначить то, для чего он использует другие слова.

12.2. Что занимает место «жар-птицы» в текстах

В документированных текстах Мамардашвили есть несколько понятий, которые функционально совпадают с тем, что мы называем «энергией события».

«Молния» — в лекциях о Прусте: «Истина появляется только в виде молнии... пространство истины может быть расширено только трудом, а само по себе оно — мгновение». Молния — это **вспышка**, которая не производится трудом, но удерживается им. Труд не зажигает свет; он не даёт мгновению погаснуть.

«Вспышка» — в исследовании о Прусте и Мамардашвили: «Я вспышка яркая, блаженство исступлений» (цитата из Бальмонта, которую исследовательница использует для описания лирического субъекта, но не Мамардашвили). Это не

документ Мамардашвили, но показывает, что образ «вспышки» работает в том же поле.

«Решимость» — в «Картезианских размышлениях»: «достаточно, чтобы наше сознание свидетельствовало о том, что нам хватает решимости и силы выполнить то, что мы почитаем за лучшее». Решимость — это энергия, которая **заставляет символ сработать**, но она не гарантирует результата.

«Событие» — в исследовании о «Символе и сознании»: сознание как «событие понимания», которое характеризуется дискретностью («вдруг») и требует личных усилий. Это ближайший документированный аналог «жар-птицы»: **дискретность события**, его негарантированность, его «вдруг».

12.3. Функция «жар-птицы» в трёхтактной структуре

Если мы помещаем «жар-птицу» в структуру метода, она занимает место **энергии, которая связывает расцепление, символ и точку**.

Расцепление создаёт зазор. Без энергии зазор остаётся пустым, и место заполняется иллюзией (как было установлено в главе 5). «Жар-птица» — это то, что **не даёт зазору закрыться** иллюзией.

Символ даёт форму. Без энергии форма остаётся «знаком» — равным себе, не производящим. «Жар-птица» — это то, что **заставляет символ работать** как пустую фор-

му, а не как готовое значение.

Точка локализует акт. Без энергии точка остаётся «местом» в готовом пространстве, а не событием. «Жар-птица» — это то, что **заставляет точку вспыхнуть**, а не просто «быть».

Это уточняет понимание «решимости» и «труда»: они — **способы удержания** энергии, но не её источник. Решимость удерживает энергию через действие; труд удерживает её через внимание. «Жар-птица» — это то, что **удерживается**, а не то, что удерживает.

12.4. Почему образ не документирован: гипотеза

Отсутствие «жар-птицы» у Мамардашвили может быть объяснено структурно. Его метод работает через **негативные**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.